

Гавриленков Сергей Александрович

УМЫСЕЛ - СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются некоторые вопросы квалификации по признакам элементов состава преступления. В частности, затрагивается, казалось бы, устоявшийся в науке и практике способ разграничения прямого и косвенного умыслов по волевому элементу, что в принципе вытекает из их законодательной конструкции. Однако автором доказываются обоснованность и необходимость проводить разграничение видов умысла в том числе и по интеллектуальному элементу, что, как правило, необоснованно не принимается в расчет при квалификации преступлений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 52-55. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 343.23.01

Юридические науки

В статье рассматриваются некоторые вопросы квалификации по признакам элементов состава преступления. В частности, затрагивается, казалось бы, устоявшийся в науке и практике способ разграничения прямого и косвенного умыслов по волевому элементу, что в принципе вытекает из их законодательной конструкции. Однако автором доказываются обоснованность и необходимость проводить разграничение видов умысла в том числе и по интеллектуальному элементу, что, как правило, необоснованно не принимается в расчет при квалификации преступлений.

Ключевые слова и фразы: вина; мотив; цель; прямой умысел; косвенный умысел; волевой элемент; интеллектуальный элемент.

Гавриленков Сергей Александрович*Северо-Восточный государственный университет**abs130671@mail.ru***УМЫСЕЛ – СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[©]**

Любое поведение человека является целенаправленным и мотивированным в каждый бесконечно малый отрезок времени. Обладая интеллектом, человек удовлетворяет свои потребности не на уровне безотчетных, неуправляемых инстинктов, а посредством разумной и управляемой поведенческой деятельности. Иными словами, мотивированность поведения обусловлена потребностями. В том числе и преступление как особый вид поведения есть запрещенный законом *способ* удовлетворения индивидуальных, в том числе необходимых потребностей человека – материальных, физиологических либо духовных.

О социальном происхождении, а соответственно о поиске сущности вины в этом аспекте говорит суждение о формирующих факторах данного феномена, что мотив как обусловленное определенными потребностями осознанное побуждение, стимулирующее субъекта к волевой деятельности, вместе с целью составляет базу, на которой рождается вина [8, с. 7].

По мнению одного из классиков уголовного права России В. И. Сергеевича, вменение имеет место тогда, когда нарушение закона является результатом сознательной воли совершившего, когда человек хотел достигнуть именно тех преступных целей, которых достиг, когда у него было предвидение последствий совершаемого [9, с. 253].

Для уяснения смысла, вложенного в ст. 25 УК РФ, необходимо понимать, что описание структуры и содержания вины в законе вторично, производно от реалий правоприменения, основано на анализе интеллектуально-волевых процессов субъекта, проведенных психиатрией, психологией, юридической наукой, социологией, криминологией. Вполне же ясно, что законодатель не мог предусмотреть той интеллектуально-волевой конструкции вины, которая в принципе невозможна при совершении преступления.

Исходя из социальной связи «субъект – потребность – мотивированное потребностью поведение – вред», представляется достаточно понятным содержание видов вины, предусмотренных уголовным законом в ст. 25 УК РФ.

Объективно, прямой умысел есть желание смоделированного в сознании субъекта конкретизированного вреда как прямой цели, служащей удовлетворению мотива, где вред есть прямой способ удовлетворения потребности. При данном виде умысла наличие потребности предполагает избирательную интеллектуальную деятельность в отношении способа ее удовлетворения, одобрительного отношения к данному способу и целенаправленные действия по реализации задуманного. Законодательная конструкция прямого умысла обусловлена именно возможностью такой объективной деятельности индивида.

Мы предлагаем осознание конструкции умышленной вины исходя из последовательности: субъект – потребность – мотивированное потребностью поведение – ожидаемый вред. Именно данная конструкция, по нашему мнению, соответствует последовательности интеллектуально-волевых процессов человека.

Очевидно, сложно себе представить развитие интеллектуально-волевых процессов в соответствии с имеющейся законодательной конструкцией прямого умысла, когда субъект сначала понимает, что стреляет из ружья и что эти действия возможно повлекут смерть, которая наступает от ранения, и уже затем, стоя над трупом с ружьем в руках, оценивает смерть как желательное последствие.

Такая законодательная конструкция больше подходит для описания поведения душевнобольного, но никак не целенаправленной деятельности вменяемого субъекта.

Специалисты в области квалификации преступлений предлагают достаточно четкие признаки умышленной формы вины соотносительно диспозиций статей особенной части уголовного закона. Согласно предложенным критериям, об умышленной форме вины в том числе свидетельствуют следующие обстоятельства: состав сформулирован как формальный, в законе содержится указание на специальную цель или мотив, заведомость действий, сам характер преступления и характер используемых терминов [3, с. 65].

Доказывая объективность подобных выводов ранее в статье о квалификации хищений по субъективным признакам, мы в поисках родового признака психологических качеств цели, мотива, заведомости, определенных качеств самого деяния как неотъемлемых факторов прямого умысла, в частности, мотивировали следующим: «Корыстная цель в свою очередь обуславливает форму вины при хищениях как умышленную, более того, наличие такой субъективной модели (цели) будущего преступного результата как хищение чужого имущества, предполагающей совершение *активных целенаправленных действий* для его достижения, всегда сопряженных, в том числе, с *преодолением препятствующих объективных факторов*, в любом случае предполагает исключительно прямой умысел как вид вины...» [1, с. 255].

Таким образом, родовым признаком прямого умысла, проявляющимся в диспозициях составов особенной части уголовного закона в виде юридических конструктивных феноменов – цель, мотив, заведомость, свойства деяния, – является в любом случае ясное представление субъекта о подлежащей достижению цели в широком смысле, без достижения которой невозможно удовлетворить имеющуюся потребность. Как мы указывали выше, прямой умысел всегда есть преодоление либо достижение осознанных и *желательных, необходимых* объективных явлений как способа удовлетворения потребности.

От прямого же умысла, когда общественно-опасный вред необходим как прямой результат деяния и является способом удовлетворения потребности, следует отличать умысел косвенный или эвентуальный.

Данный вид умысла характеризуется прежде всего тем, что вред есть промежуточное звено, частность на пути либо к цели, либо непосредственно к потребности, в отношении которой и есть умысел прямой, но они (цели, потребности) либо ненаказуемы, либо являются элементами субъективной стороны других видов преступлений, либо квалифицированным составом. В данном случае вред – прямо не желаемое, но допускаемое следствие целенаправленного поведения, необходимое отягощение в процессе достижения основной мотивобусловленной цели.

При условном умысле преступник ставит себе определенную цель, которую он желает осуществить. Эта цель может иметь преступный характер, но не обязательно... При этом могут наступить такие побочные последствия или результаты, которые являются преступными [4, с. 61; 5, с. 71; 7, с. 279].

О желании последствий можно говорить не только в том случае, когда они рассматриваются виновным в качестве конечной цели преступной деятельности, но и в том, когда виновный рассматривает их в качестве всего лишь средства для достижения другой цели – преступной или не преступной [2, с. 91].

Следует отметить, что подавляющее большинство специалистов разграничивают косвенный и прямой умысел исключительно по вышеописанному волевому критерию, когда лицо при косвенном умысле прямо вреда не желает, но сознательно его допускает или относится к нему безразлично, что подтверждает наши выводы о вреде в данном случае как объективно существующем «побочном» последствии действий, направленном в основе своей на другую цель и удовлетворяющем иной мотив.

Однако при анализе научных и практических источников в этой области теории квалификации преступлений, не обсуждая вопроса о предвидении *неизбежности* общественно опасных последствий, недостаточно четко на наш взгляд акцентируется внимание на том факте, что предвидение *возможности* общественно опасных последствий при прямом умысле кардинально отличается по своему содержанию от аналогичного признака интеллектуального элемента (предвидения *возможности* общественно опасных последствий) косвенного умысла. Как правило, специалисты в любом случае прямо не рассматривают признак интеллектуального элемента «возможность» самостоятельно, безотносительно волевого элемента, как бы умаляя значение этого интеллектуального признака, несколько размывая возможность проводить разграничение прямого и косвенного умысла в том числе и по нему.

Принято считать, что по своему интеллектуальному моменту косвенный умысел во многом совпадает с прямым умислом. При прямом умысле лицо предвидит как возможность, так и неизбежность наступления преступного результата. При косвенном умысле предвидение виновного связывается лишь с возможностью его наступления. Эта особенность косвенного умысла тесно связана с его волевым моментом, по которому и происходит основное различие этих видов умысла [11, с. 212].

Различие в психологическом содержании прямого и косвенного умысла заключается в неодинаковом характере предвидения: при прямом умысле виновный предвидит, как правило, неизбежность, а иногда – реальную возможность, при косвенном же – только реальную возможность наступления общественно опасных последствий. Однако главное, решающее отличие коренится в волевом элементе [12, с. 463].

Характер предвидения оказывает большое влияние на волевое содержание преступления. При косвенном умысле предвидение носит менее конкретный характер, в этом случае лицо предвидит лишь возможность общественно опасных последствий. Различие между прямым и косвенным умислом заключается, главным образом, в волевом содержании совершаемых действий [10, с. 272].

Полагаем, что жесткая привязка интеллектуального признака «возможность» к волевому элементу лишает этот самостоятельный и законодательно закрепленный признак юридически значимого содержания, подлежащего отдельной юридической оценке при квалификации. Различие волевых элементов прямого и косвенного умислов и так лежит на поверхности, не вызывая проблем в их трактовке. Но, полагаем, это не значит, что именно этот элемент вины является преобладающим над интеллектуальным, который, в свою очередь, как правило, представляется как бы облуживающим, что не основано на законе. Каждый элемент любой системы, в том числе и «вины», является необходимым именно по причине обладания особым конкретным содержанием, и именно поэтому в нее включен законодательно.

Необходимо акцентировать внимание как на содержании признака «возможность» при прямом умысле, так и показать явное отличие содержания этого же признака в умысле косвенном и его квалифицирующее значение, для наглядности даже безотносительно волевого элемента, используя анализ как метод разграничения составных элементов системы с целью уяснения роли в системе каждого из них.

Исходя из структуры деяния: субъект – потребность – мотивированное потребностью поведение – ожидаемый вред, предвидение *возможности* общественно опасных последствий при разных видах умысла существенно различаются, т.к. в данном случае мы имеем дело с предвидением последствия с разных сторон и с разной внутренней оценкой данной *возможности*.

Как отмечалось выше, возможность вреда при прямом умысле есть допущение обоснованного опасения субъекта за вероятность недостижения последнего в связи с объективными *препятствующими* факторами и возможностями самого субъекта. В таком случае логика законодателя ясна и понятна. Включение в интеллектуальный элемент прямого умысла исключительно предвидения *неизбежности* вреда повлекло бы необоснованную декриминализацию деяний, совершенных фактически с прямым желанием его достижения. Вполне же ясно, что гарантировать неизбежность любого результата действия или бездействия фактически невозможно. Полагаем, в прямом умысле, как это ни удивительно, именно признак неизбежности общественно опасных последствий не столь характерен, как их возможность. Иными словами, предвидение неизбежности есть всегда прямой умысел, но это никак не означает доминантность этого признака хотя бы потому, что *неизбежность* результата целенаправленных действий – достаточно затруднительная категория в объективно непредсказуемом мире.

Особенность предвидения *возможности вреда* при косвенном умысле заключается не в опасении «срыва» этого предполагаемого результата в виде вреда, где возможность вреда желательна и объективно ожидаема, а в предвидении возможности вреда как нежелательных, но объективно возможных последствий своего поведения, где опасения субъекта как признак интеллектуального элемента направлены не на возможность срыва планируемого, а на возможность наступления незапланированного вреда.

Понимание содержания признаков, характеризующих умысел косвенный и прямой, имеет, в первую очередь, прямое прикладное правоприменительное значение при квалификации неоконченных составов, для квалификации деяний, причинивших вред дополнительным объектам, отграничения умышленных деяний от неосторожных, что может вызывать затруднения на практике. Кроме того, часть составов преступлений, указанных в особенной части уголовного закона, может быть, как мы указывали выше, выполнена исключительно с прямым умыслом.

Основываясь на выводах науки уголовного права о толковании закона и судебной практике, Верховный Суд РФ неоднократно ориентировал правоприменителя по вопросам квалификации деяний по видам умысла, а также отграничения данной формы вины от неосторожности.

Квалификация действий субъекта по видам умысла в зависимости от интеллектуально-волевой конструкции субъективной стороны наглядно представлена в рекомендации Пленума Верховного Суда РФ по делам о поджогах: «Если в результате поджога собственного имущества причинен значительный ущерб чужому имуществу либо имуществу, которое являлось совместной собственностью виновника пожара и иных лиц, действия такого лица, желавшего наступления указанных последствий или не желавшего, но сознательно допускавшего их либо относившегося к ним безразлично, надлежит квалифицировать как умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества путем поджога» [6].

Как видно из предложенной рекомендации, действия виновного признаются умышленными не только в том случае, когда причиненный вред являлся самоцелью деяния, но и тогда (при косвенном умысле), когда посягательство непосредственно направлено на иной объект, а причиненный вред является дополнительным вредным последствием наряду с основным, при условии, что лицо прямо не желало данного вреда, но сознательно допускало его либо относилось к нему безразлично.

Таким образом, разграничение прямого и косвенного умыслов необходимо проводить как по волевому критерию, так и по критерию интеллектуальному как по дополнительному, самостоятельному и обязательному признаку для квалификации видов умыслов в правоприменении.

Список литературы

1. Гавриленков С. А. Некоторые вопросы квалификации хищений по субъективным признакам // Актуальные вопросы современной науки. Новосибирск, 2010. Вып. № 15. С. 255-263.
2. Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Умысел и его формы. М.: Юридическая литература, 1972. 262 с.
3. Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений. М.: Проспект, 2008. 176 с.
4. Лекшас И. Вина как субъективная сторона преступного деяния. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1958. 86 с.
5. Наумов А. В. Российское уголовное право. М.: Издательство БЕК, 1997. 550 с.
6. О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 8.
7. Полный курс уголовного права. Общая часть: учебное пособие / под ред. А. И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. Т. 1. 1133 с.
8. Рагоз А. И. Общая теория вины в уголовном праве. М.: Всесоюзный заочный юридический институт, 1980. 90 с.
9. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории Русского права. М.: Зерцало, 2004. 451 с.
10. Уголовное право: учебное пособие / под редакцией Н. И. Ветрова, А. В. Бриллиантова. М.: Закон и право, 2005. 623 с.
11. Уголовное право. Общая часть / под ред. И. Я. Козаченко. М.: НОРМА, 2008. 719 с.
12. Уголовное право России. Общая часть: учебное пособие / под ред. Ф. Р. Сундурова. Казань: Казанский государственный университет, 2007. 751 с.

INTENT – SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT

Gavrilencov Sergei Aleksandrovich

Northeastern State University

abs130671@mail.ru

The article examines some issues of qualification according to the features of the elements of crime. In particular, the author touches on the evidently adopted in science and practice method for distinguishing direct and indirect intents on volitional element that theoretically follows from their legislative construction. But he proves the reasonability and necessity to make a distinction of the types of intent also according to intellectual element, which, as a rule, for no reason is not considered while qualifying crimes.

Key words and phrases: guilt; motive; goal; direct intent; indirect intent; volitional element; intellectual element.

УДК 343.12

Юридические науки

В работе исследуется правовой институт экспертизы и профессиональных консультаций специалистов при расследовании уголовных дел (преступлений). Автором анализируются общие и отличительные признаки сведущих лиц в уголовном судопроизводстве. Дается сравнительная характеристика указанного института на разных этапах становления уголовно-процессуального законодательства. Ставятся вопросы об использовании нетрадиционных форм участия других сведущих лиц в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова и фразы: правосудие; эксперт; специалист; доказательства; судебная реформа; специальные знания.

Гарипова Римма Ансаровна

Южно-Уральский государственный университет (филиал) в г. Златоусте

Rimma.Garipova@mail.ru

СВЕДУЩИЕ ЛИЦА: ЭКСПЕРТ И СПЕЦИАЛИСТ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ[©]

Впервые словосочетание «показания сведущих людей» стало использоваться в 1832 г., но «узаконил» сведущих лиц Устав уголовного судопроизводства 1864 г., определив их надобность: «В тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии, приглашаются сведущие люди» (ст. 112) [7].

Устав 1864 г. (ст. 325) позволил сторонам приглашать сведущих лиц – специалистов, одновременно изложив требования к их заключениям – суждение сведущего лица должно быть основано на принципах объективности, ему не воспрещалось проявлять инициативу при исследовании, но при одном лишь условии – эта инициатива должна преследовать цель – установление истины по делу (ст. 333).

Устав 1864 г. не содержал термины «эксперт», «экспертиза», но в нем уже шла речь о том направлении деятельности сведущих лиц, которое в дальнейшем получило название «судебная экспертиза». Лишь в 1876 г. чиновники Министерства юстиции в своих циркулярах стали использовать слова «эксперт», «экспертиза» [4].

Судебный Устав 1864 г. не видел различия между экспертом и специалистом, называя их единым словом «сведущие лица», и перечислил их, отметив врачей, фармацевтов, казначеев, ремесленников, художников, учителей, профессоров (ст. 326).

В УПК РСФСР 1922 г., а затем в УПК РСФСР 1923 г. впервые были закреплены термины «эксперт» и «экспертиза», и при этом, регламентируя проведение экспертизы, эти кодексы во многом восприняли положения Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, принятый в 1960 г., являясь нормативным источником, не оперировал термином «сведущие лица». Из всех сведущих лиц в качестве участника упоминался только переводчик, а правовому положению специалиста вообще не было уделено внимание, он должен был, используя свои специальные знания, содействовать следователю в некоторых следственных действиях, тем самым УПК РСФСР определил в качестве сведущего лица только эксперта, проигнорировав участника в лице специалиста, исходя из того, что экспертами являются все сведущие лица.

Такое «игнорирование» на практике приводило к тому, что специалист не вправе был осуществлять исследование, его заключение не могло носить форму выводного знания, и поэтому суды помощь специалиста не признавали экспертизой. Так, из молебного дома в г. З. были похищены иконы. В ходе расследования установить ценность изъятых икон не представлялось возможным, потерпевшая к этому времени умерла. Возникла необходимость назначения искусствоведческой экспертизы, но эксперта соответствующего профиля в подразделении УВД, ГУВД не было, решить вопрос об исследовании икон в экспертных учреждениях России было нецелесообразно по различным объективным причинам, в связи с чем для исследования икон был приглашен